

В конце 2023 года в Санкт-Петербурге увидел свет сборник стихотворений Г.Л. Венедиктова «И святость этой боли...» составитель Н.Я. Енищевская (ISBN 978-5-6048417-6-1, СПб ООО «Аврора». Библиотека журнала «На русских просторах»).

Автор — фольклорист, очеркист, художник-график, поэт, филолог, выпускник филологического факультета Ленинградского университета Герман Леонидович Венедиктов (1932–2004). Немаловажно то, что автор сборника был учеником, значит, последователем и единомышленником Владимира Яковлевича Проппа, учёного, с трудами которого хотя бы отчасти знаком каждый пишущий человек. Однако и Венедиктов оставил немалое научное и творческое наследие.

Открывая книгу без цели делать поэзии серьёзный разбор, я вскоре обнаружила, что читать её не так уж просто. Может быть, это потому, что я настойчиво искала только смыслы. Но по ходу чтения слова превратились в ощущения, в зримые внутренним оком картины: пейзажи с церквями, золочёными крестами, пожнями и лесами, заснеженными набело или зелёными, жёлтыми, чёрными в зависимости от времени года. В смешении красок передо мной предстала моя родная земля, коренная, древняя. Родившись на Псковщине, я давно и долго живу вне родных мест, но Псков — сияющий мягким жемчужным светом образ — неизменно осеняет мою душу, как нательный крест. Поэтические картины Венедиктова оказались сродни моим.

От книги веет атмосферой народности, исконной Руси, но детальный смысл многих стихов оказался скрыт от меня. Нередко творческие люди мало заботятся о деталях создаваемого ими. Написали, выразили нахлынувшее чувство, а дальше — дело читателя: вникай, домысливай, достраивай образ, как считаешь нужным. Возможно, истинные отношения автора с поэзией выражены им в его же строфах:

*Развернуть осторожно / и знаки добавит вот здесь —
ещё многое можно / между строчек прочесть.*

Стихи Венедиктова видятся таинственной шифрограммой, время открыться которой ещё впереди. Не сегодня, но в будущем станет ясно, какие важные послания оставил нам автор. Загадочность поэзии Германа Леонидовича невольно привела меня к логической параллели с давней историей. Её рассказала одна моя землячка.

Жил в прежние времена в нашем городе блаженный человек, которого горожане почитали за ясновидца и, бывало, спрашивали

у него совета. Случилась у матери моей землячки нужда купить семье козу. Пошла она на базар и встретила по дороге того блаженного. Поздоровалась, спрашивает:

— Иду козу покупать. Скажи, родимый, выгодна ли окажется покупка?

Тот вместо ответа протягивает ей... полторы спички: одну целую и половинку второй. Женщина поблагодарила, пошла своей дорогой, так и не поняв, удачно ли свершится затеянное дело. Будь, мол, что будет. Купила она животинку, а та беременная. Вскоре у новой питомицы появился козлёнок. Коза с приплодом — вот что значили полторы спички. Этакая шифрограмма для одной семьи...

Однако вернёмся к сборнику Германа Леонидовича Венедиктова и попробуем не смущаться его шифрами, тем более, что смыслы стихотворений читатель ищет свои, а не автора. К этому, кажется, призывает и сам Венедиктов, предлагая в качестве компаса, посоха, путеводного луча мир родной русской культуры.

*Шагай, слепой! Дорога полотном,
Прабабкиной расшитой рукотёркой.
Где выстежено дерево. На нём
Крылатых птиц расселась стая горкой.
Крылатых душ крылатая семья
Твой род и племя, твой народ от века.
Слетает птица из небытия,
Чтоб воплотиться в образ человека.*

Какое удачное слово «выстежено»: вышито стёжкой, гладью! Очень русское слово — краска, оживляющее стихотворение, природняющее его к сердцу.

Автор обнадёживает пытливого читателя в его попытках отыскать истину творчества, даже, может, смысл жизни: не сомневайся, читатель, всё отыщется на твоей земле, бери, пользуйся и мудрей:

*Земля вокруг — осенняя, сырая —
Как летопись, времён ушедших весть.
Не мёртвая, не книжная — живая!
Склони ладонь и зачерпни, и взвесь.*

Вероятно, таково вообще свойство разносторонней натуры: не прояснять мыслей, поданных через стихотворение. Это качество человека надмирного, который видит жизнь не так предметно, как большинство. Мы живём в мире, где всё имеет начало и ко-

нец, рамки, точные обозначения, алгоритмы действий. Но иным, надмирным людям (автор из их числа) открывается слово во всей бесконечности, словно бы приподнимает их над землёй, и видят они всё вокруг не только в зримом пространстве, но и временном, и глубинном. Видят и слышат.

*Как будто вся природа воплотила
Звучание умолкнувших веков —
Широких рек медлительная сила,
Туманных далей полувнятный зов.
И шёпот трав, и тихий звон колосьев,
И мёртвый свист разбойничьей косы,
И в голосе ветров многоголосье
Лесной многоголовой полосы.
На слух чужой — немудро и сурово,
В узорочье распевной глубины,
На всё дыхание найденное Слово —
И есть душа родимой стороны.*

Иногда в оболочке стихотворения привлекают внимание простые, но от этого не менее художественные образы: «*Ветер стылый листья выел...*» или, например, такие красочные парадоксы:

*Золотой снегопад на дорогах.
Золотая кружится метель,
Застилая светло и убого
Нежилую твою колыбель.
Ту, которой ты бросил гордиться.
От которой отрёкся стократ.
Не пора ли домой возвратиться?
Не пора ли вернуться назад?*

А вот не точный, на мой взгляд, но отлично обоснованный образ:

*Может быть, потому мы виновны,
Что в лесах зарастают кресты,
Что слова наши стали бескровны,
Что бездельные руки пусты.*

Быльём, а не лесом зарастают кресты над могилами наших предков, уточнила бы я. Но то, что память наша некрепка, личности мельчают, а души увядают именно потому, что слова не дались нам в глубоких раздумьях, в муках творчества — тут Герман

Леонидович, безусловно, прав. «Руки пусты» — в этом тоже правда. Как, чем наполнить души, оживить слова, если руки в жизни не держали ни зубила, ни пера? Руки — ведь тоже источник опыта, глубины и силы природы, как и мысль.

У Венедиктова есть стихи, которые при всём несовершенстве учат пониманию того, что простота и лаконичность мысли не сродни пустоте и примитивности. Пример тому стихотворение «Север. Часовня деревни Васильево»:

*На берегу среди столетних елей
Часовенка. Её тяжёлый сруб
Заголубел от времени, и крыша
Серебряным подёрнулася мхом.
Дверь поддалась. Через порог высокий
По половицам, тяжело вздохнувшим,
Под осторожными и грузными шагами,
Войти в неё и молча постоять...
А потолка там не было. Там «небо»!..*

Автору свойственно применение слова в неожиданной для большинства читателей смысловой грани:

*Третий год не пройти и по комнате.
Видно, сивку умаяла (так в тексте) путь.*

Вероятно, автор использовал слово «путь» (женского рода) со значением «путина». Мне кажется, это приемлемо, ведь вообще в стихах довольно часто используется слово «темь» взамен «темноты», а «синь» — вместо «синевы». У Сергея Есенина есть и «голубень» вместо «голубизны».

Но поскольку поэзия — лишь грань творчества Венедиктова, которую хочется назвать скорее отдушиной, способом выражения чувств и эмоций, в сборник стоило взять не все произведения.

Вот пример:

*Как на могиле матери своей.
Она тебя когда-то породила —
На славу или горечи на дни...*

Эти строки имеют двойной смысл. К кому или чему обращена строка «Она тебя когда-то породила»? К могиле или матери? Скорее всего, к матери. Только в этом случае она не породила, а родила. Мать рождает ребёнка. Конкретика в подобных тонкостях важна для требовательного читателя.

В стихах Венедиктова попадают настолько не представимые вещи, что образное мышление не в состоянии помочь увидеть картину:

*И к плечу до виска / Белым шёлком берёзка
Прислонилась, тонка.*

Или:

*Когда темно и слову не пробиться,
Оставь себя и выйди за порог ...*

А вот смешение противоположных образов:

*И как сплошная жёлтая палата
стенной — домов стоглазый лабиринт.*

Тут автор как бы опровергает сам себя, причём дважды («жёлтая палата стеной», и «стеной — ...лабиринт») ...

Не претендую на вселенскую истину. О поэтическом наполнении книги Г.Л. Венедиктова можно, а то и нужно спорить. Мне кажется, этого хотел бы сам автор. Вероятно, были очень важными практические соображения, которые привели к тому, что сборник вышел таким объёмным. Но всё же девятнадцать разделов под одной обложкой — это много. Существой стихи в одной тематике, книга выглядела бы более законченной, а подбор стихов — менее случайным.

Первые разделы книги связаны с историей России, от древней Руси до Великой Отечественной войны. Их объединяет само время. Но раздумья о наследии прошлого, отсыл к военным годам не очень органично соседствуют с ироничными стихами и поэтическими портретами. И совсем выбиваются из контекста произведения для детей. Первые шесть разделов могли бы составить один сборник, последующие — другой или ещё и третий, посвящённый творчеству автора для детей. Возможно, у такого подбора есть причины, например хронология, некая прежняя библиография или ещё что, тогда, вероятно, не хватает предисловия, где эти нюансы были бы растолкованы.

Кроме того, стихи идут в подбор. По-моему, для 200-страничного издания это невероятно насыщенный объём. Стихотворение, даже если оно в восемь строк, это всё-таки целое произведение, маленькое, но ёмкое, информативное. Обилие поэтических произведений в одной книге притупляет восприятие. Стихов, как хорошего вина, не должно быть много. Погружаться в поэзию прият-

нее дозировано, раздумчиво смакуя. В таком объёме это сделать трудно...

Беря в руки книгу, легко понять, зачем она создавалась. Поэтический сборник «И святость этой боли...» создан во имя памяти его автора, Германа Леонидовича Венедиктова.

Но исполнить это назначение книга способна лишь тогда, когда её будут читать люди. Сборник «И святость этой боли...», по моему, выполняет эту задачу и перевыполняет, поскольку после прочтения хочется продолжить знакомство и с другими плодами творчества и научного поиска Г.Л. Венедиктова: статьями, популярными очерками, художественной прозой. Увлечённый, дотошный читатель заинтригован книгой и хочет расшифровать пусть малую часть личности, искренне и всесторонне служившей русскому слову.

Город Орёл